

Цалихан Калижанов

директор Института литературы
и искусства им. М.Ауэзова,
член-корреспондент НАН РК



МЯТЕЖНАЯ СТЕПЬ

Правда о восстании 1916 года языком архивных документов

МИЛОСЕРДИЯ ЖДАТЬ НЕ ПРИХОДИЛОСЬ

Подавление всплеск восстаний колониальными властями проходило жестоко не только в период самодержавия, но и в начальный период становления Советской власти. Об этом свидетельствует следующий документ.

В областной исполнительный комитет

От всех бедных киргиз Джайлимышевской, Мало-Алматинской и Чемолганской волостей Аркебая Кайракбаева и Джунусбая Сысыкова.

ПРОШЕНИЕ

Мы, угнетенные манапами, волостными управителями, старшинами, народными судьями, бедные киргизы открыли было глаза и получили молочный и убойный скот, когда проезжал уполномоченный от Областного Исполнительного Комитета товарищ Токаш Бокин. В настоящем нам стало известно через богатых киргиз, что товарищ Бокин арестован, и эти богатые киргизы в настоящее время отбирают скот, розданный товарищем Бокиным, говоря, что Бокин посажен в тюрьму и что большевистского закона теперь нет, почему бедные должны немедленно вернуть скот богатым. Такое явление нас бедняков киргиз поставило в тупик, мы не знаем, что делать, то ли слушать богатых киргиз, требующих возврата скота, розданного товарищем Бокиным, то ли слушать товарища Бокина, разьяснявшего при проезде по волостям беднякам-киргизам о том, что мы, угнетенные бедняки киргизы, теперь освобождены от рабства и что теперь всеми мерами Советская власть будет бороться с богатыми, угнетавшими бедных, почему раздаваемый товарищем Бокиным скот должен перейти в собственность богатых. Товарищ Бокин, проезжая нашу волость, открыл нам глаза. Советская власть всецело поддерживает интерес беднейшего трудового народа, как нам

Окончание. Начало в № 7, 2016.



разъяснял товарищ Бокин. Теперь же товарищ Бокин попал в тюрьму, и богачи-киргизы в связи с его арестом уже отбирают у бедняков скот розданный Бокиным. Докладывая обо всем Областному Исполнительному Комитету просим немедленно освободить тов. Бокина из-под стражи, как стоящего на стороне интереса бедного трудового народа. В том, что он стоит на стороне интереса трудового народа, мы бедняки киргизы убедились на деле его работы, когда раздавал нам беднякам молочный и убойный скот путем отбирания у богатых киргиз. Если Советская власть прислушается к голосу бедного трудового народа, то мы, бедняки киргизы, заявляем категорически, что товарищ Бокин худого для бедняков не делал, а если он не угождал богачам, то это не удивительно, так как скот тов. Бокин отбирал у богачей киргизов. После того как Бокин наделил нас скотом, у богачей заболели животы и вероятно с горя богачи решили опачкать Бокина путем подачи ложных прошений. У них денег еще много, для подпольных адвокатов хватит. Нам известно еще о том, что богатым киргизам указывает путь некто Абдильда Какенов /сейчас служит письменным переводчиком в уездном управлении/, то мы заявляем, что Абдильда Какенов того добра, сделанного товарищем Бокиным, он, Какенов, нам не делал и даже мы Какенова в глаза не видели и видеть не хотим, так как всем известно, что он Какенов – бывший агент сысского отделения во время царизма.

Как нам разъяснял товарищ Бокин идею большевизма, то мы бедняки киргизы думаем, что Какенову нет места среди бедного трудового народа как бывшему сыщику, почему он должен быть отстранен от должности письменного переводчика, Какенов назначен письменным переводчиком по рекомендации бывшего Областного киргизского Комитета, закрытого по постановлению Совнаркома, как буржуазный. Мы бедняки-киргизы покорно просим освободить Бокина из-под стражи и ему поручить проехать по волости, чтобы богачи вернули нам беднякам отобранный ими скот, иначе мы лишены всего того, чего приобрели при помощи Советской власти. Результат этого решения ждет несколько тысяч душ спасенных товарищем Бокиным от голодного тифа.

г. Верный 19 сентября 1918 года.¹

УШКУНУРСКАЯ БИТВА

Солнце только что стало подниматься из-за горных хребтов, а мальчишки на ивовых прутиках с деревянными шашками в руках, с гиканьем уже носились по ровной, как ладонь, зеленой долине Ушкунур и наотмашь рубили высокие стебли укоргасына, покрикивая: «Руби голову врагу! Руби голову врагу!».

Долина вся серебрилась под лучами солнца. Росинки переливались жемчугом на листьях трав и цветов. Внизу с шумом и грохотом, вырываясь из теснин и камней, преградивших путь, пенясь, неслась Каскеленка. Здесь, наверху, в долине стояла тишина. Слышалось только щебетанье воробьев.

В это раннее утро аул Бекбулата просыпался мирно. Женщины выходили открывать тундук, ставили самовары. Бекбулат сидел в своей юрте уже одетый и слушал только что приехавшего из разведки Калыгула.

¹ Опубликовано в сб. «Восстание 1916 года в Казахстане. Документы материалы. Алма-Ата, 1947, док. № 134, стр. 130.

– Завтра вечером, говоришь, отряд выступает из Каскелена?

– Наверное, как только стемнеет.

– Ты уверен в этом?

– Об этом мне поведал Кикым. Его жена сидела в переднем доме Малышева и видела через открытую дверь, как какой-то офицер, приехавший из города, долго разговаривал с атаманом Малышевым. Она слышала: «Значит, послезавтра вечером выступаем». Малышев добавил: «С наступлением ночи». А для верности я переспросил его жену, а она в ответ: «Из того, как они закрылись, как стали тихо разговаривать, я поняла, что дело идет о серьезном. Второпях они закрыли дверь неплотно, и я слышала разговор, правда, с пятого на десятое. Хорошо, что кроме меня в передней никого не было. Я старалась ничего не пропускать мимо ушей, не все поняла, конечно, но слышала: «казаки... полсотня... Ушкунур...» А когда в конце разговора услышала: «Выступаем послезавтра вечером», сердце дрогнуло. Чтобы меня не заподозрили, вышла во двор, повела лошадь на водопой. Когда пришла обратно, приезжего офицера не было. Я сказала атаману, зачем приехала, он написал записку в свою лавку, я набрала там чаю, сахару, и, не теряя ни минуты, поехала домой».

– Полсотня, а? Из столько казаков, наверное, будет отряд. Все вооружены. А у нас что? Одни деревянные соилы, 3-4 ружья, да и то охотничьи, – как бы про себя говорил Бекбулат.

– Ну, теперь надо подумать, что делать. Сегодня же надо снять аул и гнать овец, а вечером перевести обходным путем в Каргалы. Оттуда ночами в Жалпактас. Чтобы здесь остались одни джигиты! Дозоры усилить. Будем готовиться к встрече.

Калыгул слушал молча, а когда Бекбулат кончил, сказал:

– Может быть и нам уйти?

Бекбулат ответил:

– Нам нельзя. Надо дать возможность аулу дойти до Жалпактас.

Через час аул пришел в движение. Юрты снимались, верблюды выючились, женщины собирали и складывали в сундуки посуду, всякую мелочь, текеметы, ковры. Навьюченные верблюды один за другим выводились на дорогу. Седлались лошади. Все это делалось без паники, лица женщин посуровели. Когда все было готово, Бекбулат высоко поднял ладони, сказал:

– Аллах поможет нашему правому делу.

Все подняли руки. Бекбулат провел ладонью по лицу, и тоже сделали остальные.

– Ну, садитесь. Жолдарын болсын! (Удачной вам дороги!)

Старики на прощание обнимали сыновей и напутствовали:

– Не бойтесь смерти, бойтесь позора!

Аул снялся с места и медленно потянулся по долине, а через некоторое время исчез за выступами скал. Джайляу опустел, только около единственной оставшейся юрты Бекбулата на разостланной кошке расселись старшие. Джигиты резали баранов, возились у очагов, а Абдильда Рыскулов разливал из торсука кумыс. Старшие пили молча, каждый думал о том, что произошло: отправили семьи, доберутся ли они в Жалпактас? А там есть, где укрыться. Завтра предстоит сражение с казаками.

Бекбулат понимал, о чем думают оставшиеся. Трудная доля выпала. Их род был мирными кочевниками, пас скот, никому вреда не делал, чужую паршивую

овцу не трогал... Люди хотели только одного: мирной жизни, а царь решил иначе – погнал их сыновей, мужей, братьев на фронт за свои интересы. Народ решил детей не отдавать: умирать, так лучшие умирать здесь. И вот завтра будет неизбежная схватка с врагом. Он вооружен, мы безоружны. Но какая решимость у наших джигитов, какое хладнокровное мужество! – Так думал в эту минуту Бекбулат.

На следующий день Мусабай Рыскулов прискакал в аул с известием, что казачий отряд в количестве 50 человек вошел в ущелье Чемолгана. Бекбулат дал распоряжение скинуть нависшие над дорогой камни и наблюдать за продвижением казаков. *В полдень появились казаки, но пешие, так как они не могли провести лошадей через каменные завалы, устроенными повстанцами. Бекбулатовцы, ожидавшие появления казаков, пошли в атаку с громкими криками: «Аттан! Аттан!».*

Казаки дали залп и второй, но атакующие летели во весь опор. Только третий залп заставил их повернуть обратно. На поле битвы осталось несколько убитых. Казаки не продвигались вперед, опасаясь окружения. Повстанцы пошли в новую атаку, погнав впереди себя табун лошадей. Командир казачьего отряда Базилевич понял, что атакующие хотят лошадьми затоптать их и вступить в рукопашную.

Они, звавшие повадки диких лошадей, пропустили их мимо себя и, не дав противнику приблизиться, открыли огонь. Но не заметили, что повстанцы на сей раз окружают их и вот-вот отрежут дорогу назад. Казаки, отстреливаясь, отступали. Во время второй атаки некоторые джигиты, гнавшие табуны, провалились было к противнику. Один из них, Абдильда Бекбулатов, наотмашь ударил соилом по голове казака. Это был единственный казак Сенчаков, раненый в стычке.

На помощь отряду Базилевича подоспел отряд Скатова из 25 казаков. И только тогда оба отряда пошли в наступление против повстанцев. Бекбулат, видя, что повстанцы не смогут добиться соприкосновения с противником и будут нести потери, решил отступить. Это отступление прикрывали четыре смельчака, у которых было оружие. Они задерживали противника, укрываясь за каменными выступами. Среди них был самый верный, самый стойкий помощник Бекбулата Мусабай Рыскулов. Он меткими выстрелами не давал казакам возможности поднять голову. Даже когда кончились патроны, он и тогда не отступил. Выждав приближение казачьего авангарда, со своими тремя товарищами бросился он на казаков и все четыре смельчака были скошены их пулями.

Завершить историю восстания под руководством Бекболата Ашекеева хочется воспоминаниями участника этого восстания Исабека Сексенбаева:

«Жители Джайлымышевской волости 13 августа 1916 года собрались на местности Курты-Бастау в урочище Ушконур. Организатором этого собрания был старик Бекболат Ашекеев. Собравшийся народ решил здесь не повиноваться царскому указу.

Они решили лучше умереть здесь, чем на чужбине. Народ избрал Бекболата Ашекеева руководителем восстания. По казахскому обычаю была зарезана белая лошадь. Белый материал привязали к кончику курука, что заменило нам флаг. Флаг держал помощник Бекболата Дюсембек Касымбеков.

Для подавления восстания из Каскелена прибыл казачий отряд под руководством Андрея Малышева. Они остановились на противоположном хребте и изредка стреляли в нас. Тогда джигит из рода Пушик Жумук Бугубай (фамилия неизвестна) агитировал восставших атаковать русских, но никто не поддерживал, боясь жертв. *Тогда Бугубай сам один пулей поскакал и атаковал русских. Пока солдаты разобрались в чем дело, он был среди них. Начал бить союлом солдат. Но, опомнившись, солдаты здесь же застрелили его. Поведение храброго джигита заставило поволноваться обе стороны.*

У повстанцев это породило уверенность, а солдаты испугались.

Они боялись атаки основной массы и начали отступать. Повстанцы, чтобы огордить себя от пуль, погнали вперед табун лошадей, но животные, испугавшись пуль, повернули в другую сторону, и *мы оказались под пулями неприкрытыми. Первым пал Мусабай Рыскулов, а Солтаная солдаты разрубили шашкой.* Мы начали отступать в Кок-Бастау, Такыр-Кезень.

На утро пом. уездного начальника созывал народ для примирения на местность Бурган-Тоган. Он обещал народу, что кроме примирения ничего не будет. Поверив этим словам, народ собрался, но они горько ошиблись. Солдаты арестовали Бекболата Ашекеева, также и его родственников Саткына, Сарманбека, Екебая, с ними были арестованы Аблеш Бекбатыров, Дюсебек Касымбеков, Сарыказак Солтанаев, Оспан Букенбаев, Серикбай Аманжолов, Надырбек Каракбин, Боранбай Кашикенов, Байдыльда Рыскулов и я.

После нас были арестованы Байгазы Мамбетов, Карибай Аламанов, Сарян Каратаев, Сатал Карабаев. Их предал мулла Алимкул Кудайкулов из рода Кыбрай.

Нас повели в город, посадили на коней, повод отдали солдатам, одним словом каждого вёл солдат. К тому же по обеим сторонам, сзади и спереди окружали нас солдаты.

Когда доехали до муллушки Райимбека, нам приказали слезать с коня. Солдаты нам объяснили, что по царскому закону теперь мы должны идти пешком. *Все кроме Бекболата повиновались. Бекболат Ашекеев слез с коня и сел посреди дороги и заявил:*

«Хоть сейчас же расстреляйте меня, но я пешком не пойду». Солдаты угрожали, угрожали, но он был неумолим. Сидел, как прикованный. Солдаты были бессильны против его железной воли. Бекболата снова посадили верхом на коня, а нас остальных погнали пешком. После прибытия в назначенное место содержали всех нас в одной камере, а его – в отдельной.

Нас каждый раз возили ночью на допросы в какую-то церковь, покрашенную в желтую краску. Однажды мы встретили там Бекболата. Его допрашивали. В его лице не было и следа уныния. Какой-то молодой казах переводил. Мы все сидели окаменевшие, стараясь уловить каждое слово Бекболата. Когда следователь спросил у Бекболата с иронией: «Доволен ли ты, твой царь приговорил тебя к смертной казни»? Тогда Бекболат твердо ответил ему:

«Ты что сумасшедший, разве человек остается доволен, когда его убивают».

– Если не доволен, в твоём распоряжении 24 часа, можешь обжаловать перед Окружным судом Ташкента, – выпалил следователь.

«Я не птица за это время долететь до Ташкента, делай со мной что хочешь», – ответил еще тверже Бекболат.

Через пять-шесть дней мы узнали, что Бекболата Ашекеева казнили. Видимо когда нас привели на последний допрос Бекболата, царская власть хотела нас запугать, что, мол, если вы будете поступать так, и вас также казнят. Но на нас это повлияло по-другому, мы стали еще тверже и своих товарищей не выдавали.

Бекболат на всех допросах никого из нас не выдал. Когда нас задержали и арестовали по пути, мы немного остановились в Чемолгане. Тогда Бекболат нам сказал: «Я никого из вас не выдам, умру один, и вы тоже никого не давайте. Всю вину отнесите на меня. Смотрите, чтобы дети, жены и родные не плакали».

На территории тюрьмы мне пришлось однажды видеть Бекболата. Когда меня вывели на чистый воздух, сразу заметил его. Также на территории находился Сат Ниязбеков и дунган Булар, но они были в противоположной стороне. Когда я проходил мимо него поздоровался и справился о здоровье. Он ответил мне полусуто: «Хорошо укрыли, волки не съедят». Наш разговор услышал один из солдат, он так крепко стукнул меня прикладом, что я потерял память, когда очнулся я лежал в своей камере.

В тюрьме я также видел киргизского батыра Каната. Он был заключен в отдельную камеру. Солдаты меня заставили мыть пол, в его камере. Когда я вошел, он лежал, руки были в кандалах, бредил. Видимо, он здорово болен. Разговаривать не мог. Когда я мыл пол, заметил, что накрытая белая шуба сползла в один бок. Я подошел и поправил шубу, но мое это действие заметил один из солдат. Он ударил меня пинком и загнал в свою камеру.

В тюрьме я просидел около года, потом был освобожден.

Только на свободе мы узнали, что многое уже изменилось, что нет больше «белого царя».

* * *

Завершая печальный и полный драматизма рассказ о возглавляемом Бекболатом Ашекеевым восстании 1916 года, хочется донести до читателей не только правду, но и имена жертв борцов за свободу, которая всегда давалась народу жестокой ценой, будь то в древние времена, период колонизации или диктатура советского периода.

Прошлый 2015 год прошел под знаком 550-летия создания Казахского ханства. Восстанавливая историческую правду, мы воскрешали и продолжаем воскрешать в памяти народа героические страницы прошлого, имена выдающихся людей, отдавших жизнь за свободу и независимость своего народа.

И вот наступает столетие со времени всеобщего подъема национального духа в героических событиях 1916 года, выплеснувшихся в народных выступлениях против колониального гнета и ущемления интересов народа. Именно эти восстания стали предвестниками последующих революционных потрясений в России.

Тяжек был путь народа к подлинной свободе. Поэтому, обретя, наконец, Независимость, мы должны воздать должное пламенным патриотам, борцам за свободу. И в ряду этих героических личностей будут жить в памяти благодарных потомков имена участников всенародной борьбы против колониального гнета, среди которых есть и герои настоящего повествования. Мир праху и вечная память им!

* * *

Помнится, в детстве мы любили играть в военные игры, готовили к ним деревянные ружья и шашки, выбирали командиров. Противостоящие стороны назывались красными и белыми. Это позднее появились зарницы. Тогда нам достаточно было проявлять свою лихость, носиться друг за другом, а затем живо обсуждать итоги этого, в общем-то, незлобивого дружеского противостояния.

Будучи пионерами, мы зачитывались рассказами о героях Гражданской и Великой Отечественной войн, любили слушать на сборах рассказы ветеранов. Таким образом формировался дух советского патриотизма. Редко какой мальчишка не мечтал служить в армии.

Когда же собирались старики, разговор больше заходил о далеких предках, мужественных героях прошлого и их подвигах. С замиранием сердца мы слушали рассказы о прославленном батыре Райымбеке и гордились, что именно с его ратными подвигами связано освобождение родной земли от джунгарских захватчиков.

В 1729 году произошло крупное сражение казахов с джунгарскими завоевателями в местности Аныракай, где объединенные силы трех жузов одержали блестящую победу над противником. Наши предки проводили свои атаки ночью с поразительной стремительностью и отвагой. Сабли, ружья, стрелы, палки, камни, арканы – все шло в ход. Именно наш прославленный земляк был на острие стремительных конных атак, а его имя стало знаменитым на всю степь.

Много лет Райымбек жил в походах, не слезая с коня, не расставаясь с оружием. Он познал и горечь поражений, и радость побед. Но именно он высоко поднял знамя Казахского ханства. Еще при жизни он был признан «аулие» – святым. Старые раны, полученные в боях, дали о себе знать. Почувствовав приближение смерти, он пригласил своих соратников со всего края и попрощался с ними.

Согласно легенде, предчувствуя скорую кончину, он завещал посадить его на верблюда и похоронить там, где тот верблюд, обессилев, остановится. Его могила стала местом паломничества благодарных потомков. Правда во время Гражданской войны могила была разрушена. А в 60-х годах прошлого века находившееся здесь мусульманское кладбище пытались снести. Городские легенды сообщают о многочисленных поломках строительной техники и всяческих оплошностей, в результате которых могила сохранилась.

Уже с обретением Независимости на месте захоронения отважного батыра была воздвигнута стела с каменным изваянием верблюда, на котором он завершил свой земной путь.

Поклонение героям, защитникам своего народа было всегда характерно для казахов, так как святой дух их помогал сохранять дух самого народа. Не случайно о подвигах их слагали песни и легенды.

Но оставались и безымянные герои, о которых не принято было вспоминать в советские годы. И это не только героические личности Алаша, подвергшиеся жестоким репрессиям тридцатых годов прошлого века.

Нередко умалчивали, по понятным причинам, и подвиги противников колониального гнета. Имя того же Бекболата Ашекеева было возвращено из забвения только в начале шестидесятых годов прошлого века, когда в Каскеленской районной газете «За коммунизм» появилась статья о восстании в районе 1916 года. Правда, в народе его не забывали, и в те же детские годы мне нередко при-

ходилось слышать в разговорах взрослых его имя в связи с мощным восстанием в предгорьях Алатау против призыва казахской молодежи на прифронтовые работы Первой мировой войны, в связи с неудачами на фронтах. Увеличились налоги и поборы для нужд войны. Казахи должны были бесплатно поставлять мясо, хлеб, скот и юрты войскам, следующим на фронт через территорию Казахстана, таким образом, казахам был нанесен огромный ущерб, что вызвало нарастание недовольства народа.

Когда появился Указ о призыве казахов на тыловые работы, казахская интеллигенция через газету «Қазақ» предлагала использовать казахов как боевую силу в кавалерийских частях. При этом преследовались две цели: во-первых, должны были сохраняться от изъятия под переселенческие участки земли казахов, служащих в армии; во-вторых, участие в боевых действиях могло подготовить квалифицированные, закаленные и обученные военные кадры на случай образования армии независимого Казахстана.

Кроме того, только таким путем казахи могли получить оружие, необходимое для борьбы с колонизаторами.

Однако русское правительство не собиралось вооружать «неблагонадежных» казахов. Вместо этого было решено использовать нерусское население России на тыловых работах. Это ставило казахскую степь в крайне тяжелое положение. Мобилизация проводилась во время уборки урожая и подготовки скота к перегону на зимние пастбища, сенозаготовки. Призыв всего трудоспособного мужского населения наносил не только экономический ущерб, но и обрекал оставшихся казахов на голодную смерть зимой.

Повсеместно стали вспыхивать очаги восстаний. Напуганные размахом восстания царские власти 20 июля объявили об отсрочке призыва до сбора урожая, а 30 июля – об отсрочке до 15 сентября 1916 г. Однако погасить пламя антиколониального восстания казахов не удалось.

Колонизаторы, стремясь разжечь национальную рознь, натравливали русское население Семиречья на повстанцев. По указанию туркестанского генерал-губернатора Куропаткина и военного губернатора Семиречья Фольбаума создавались вооруженные отряды из числа русского населения для борьбы с повстанцами. Против повстанцев действовали специальные отряды царских войск с артиллерией и пулеметами. В аулах и городах производились массовые аресты всех «подозрительных», военно-полевые суды «пачками» выносили смертные приговоры. Военно-полевые суды только в Туркестане приговорили к смертной казни 347 человек, к каторжным работам – 178, к тюремному заключению – 129. Огромное количество людей было уничтожено карателями вообще без суда и следствия

К октябрю 1916 г. восстание в Жетысу было подавлено. Царские каратели зверски расправлялись не только с повстанцами, но и с мирным населением. Десятки казахских и киргизских аулов были уничтожены, много казахов и киргизов было убито. Преследуемые царскими войсками более 300 тыс. казахов и киргизов покинули родные места и бежали в пределы Китая, в Кульджинский край и Кашгарию.

Такова была истинная картина возникновения и подавления восстаний против колониального гнета царской России. И если вновь обратиться к событиям тех лет, то можно воскресить имена десятков и сотен героев, которые, подобно

Бекбулату Ашекееву, возглавили мятежные отряды своих соплеменников, высоко поднимая знамя борьбы за независимость и укрепляя дух народа в отстаивании своих прав и свобод.

НЕ МЕРКНУТ ИМЕНА ГЕРОЕВ

Национально-освободительное восстание 1916 года – общее историческое событие для народов Центральной Азии и Казахстана, явившееся одним из ярких проявлений всеобщего кризиса в Российской империи в дореволюционный период. Его вызвал комплекс социально-политических и экономических причин: активная переселенческая политика царизма и массовое изъятие земель у коренного населения края, усиление колониального и социального гнета, непомерное увеличение налогового пресса и всевозможных поборов. Все это, в конечном счете, привело к резкому ухудшению положения масс и обострению национального вопроса. Царский указ от 25 июня 1916 г. о мобилизации коренного населения Туркестанского края на тыловые работы в период первой мировой войны стал непосредственным поводом для массовых выступлений, катализатором обострившейся социально-экономической и политической ситуации в крае. Кровавое противостояние привело к многочисленным жертвам, как среди коренных жителей, так и русских переселенцев. Восстание было жестоко подавлено карательными отрядами по всей территории Туркестанского края.

Память народа о восстании запечатлена и в художественной литературе. В 1926 году молодой Мухтар Ауэзов посвятил событиям 1916 года реалистичную и пронзительную повесть «Қилы заман» (Лихая година). В основе повести проникновенный рассказ о восстании мирного рода албан в Семиречье в местечке Каркара, о народном бунте против царского произвола, о том, с какой жестокостью царская власть расправилась с восставшими и об исходе беженцев из земли предков в неизвестность. В другой своей повести «Выстрел на перевале (Караш)» (1927) М.О. Ауэзов воспроизвел картины чиновничьего произвола и бесправия простого народа в дореволюционном прошлом. Появившийся позже роман другого казахского классика Сабита Муканова «Ботагоз» (1940) также посвящен трагедии 1916 года.

Существовали и другие механизмы сохранения памяти в устной истории народа и подвижнических усилиях представителей национальной интеллигенции и студенческой молодежи. Так, участники казахского молодежного движения в 1960-е годы «Жас тулпар» говорили сверстникам о необходимости помнить и знать о трагедиях народа в XX веке – кровопролитии 1916 года, голоде 30-х годов и истреблении лучшей части интеллигенции в период массовых репрессий 1937-1938 годов.

Исследователи не раз будут возвращаться к этой проблеме, одной из трагических страниц истории народов России и Центральной Азии.

Историческая справедливость требует объективной и взвешенной оценки достоверных научных источников и учета всех факторов, повлиявших на события 1916 года. После некоторого затишья в исследовании темы, в преддверии юбилея эта проблема вновь приобретает актуальность. Все еще остается и возникает множество проблемных вопросов, которые ждут своего всестороннего освещения и взвешенных оценок.

Серьезно подошли к 100-летию трагических событий 1916 года в соседней Киргизии. В подписанном в преддверии этой даты национальной трагедии президентом Кыргызской республики А. Атамбаевым указе говорится: «Считать священным долгом народа Кыргызстана увековечение памяти погибших и определить достойное место национально-освободительного восстания 1916 года и его роль в возрождении кыргызской государственности».

В 1916 году Царская Россия призвала на службу в армию мужское население Центральной Азии и Казахстана, однако значительная часть населения отказалась подчиняться приказу. По словам историков, в основном попытались мобилизовать бедноту. Социальная несправедливость в итоге вылилась в восстание, после подавления которого значительная часть киргизов Иссык-Кульской, Нарынской и Чуйской областей и казахов Семиречья вынуждена была бежать в Китай. Путь пролегал по труднодоступным горным перевалам. Большинство из них погибло. Они умирали от голода и холода. Сегодня пришла пора дать оценку тем событиям столетней давности.

Восстание 1916 года стало горьким историческим событием для народов, бывших в составе Российской империи, ведь до сих пор находят в горах останки людей, погибших в тех событиях. Горе и потери казахов и киргизов были общими, так как в начале XX века большая часть нынешних Нарынской, Чуйской, Иссык-Кульской областей Кыргызстана и Жамбылской, Алматинской областей Казахстана относились к Семиреченскому краю, административным центром которого был город Верный.

В событиях, пережитых в этот период киргизами и казахами, есть общее: и для кыргызов, и для казахов основной причиной восстания стал земельный вопрос. Начиная с 1906 года в странах Центральной Азии, в том числе на казахских и киргизских землях, были созданы учреждения, занимавшиеся расселением переселенцев из России.

Самые плодородные земли были отданы переселенцам из внутренних регионов России. А власть полностью перешла в руки российской администрации, которая не считалась с интересами, традициями и обычаями местного населения.

Поводом для восстания стал не только земельный вопрос. Кампания по мобилизации на тыловые работы ускорила этот процесс. Во время восстания было практически уничтожено безоружное население вокруг Иссык-Куля и в Чуйской долине. Устрашающие факты уничтожения мирного населения карательными отрядами приводятся в статье Азимбека Бекназарова «Геноцид, или горькая правда 1916 года», опубликованной 13 августа 2015 года в общественно-политической газете Кыргызской республики «ResPublica».

Вчитаемся в приведенные в этой статье архивные материалы из рапорта начальника карательного отряда Фон Берге: *«10 августа мы убили двух дозорных киргизов, далее было убито в этом ауле около 50 человек... покончив с этим аулом, я двинулся далее по правому берегу реки Тюп, наткнулся на второй аул, и там после боя мы собрали 80 человек убитых и 12 раненых киргизов».*

Преследуя мирных людей, каратели не разбирались, кто они и в чем виноваты. Как явствует из того же рапорта: *«Киргизы двигались со скотом и семьями... мной был замечен один киргиз с белым флагом на сером коне... сообразив, что это какое-то важное лицо, я взял свою винтовку, поставил прицел на 8 и выстрелил, киргиз взмахнул руками и упал. Подъехав к нему, увидел, что это волостной*

управитель со знаком на груди, имеющий золотую медаль Александра II, кроме того в карманах у него нашли печать и документы,... киргизы кинулись бежать, бегущих догоняли и рубили шашками. В результате боя мной отнято и представлено ротмистру Кравченко 10 тыс. голов скота, 40 верблюдов, 2 табуна лошадей каждый по сто и несколько ружей (представьте, какую опасность представляли почти безоружные люди?!).

Ужасают и последующие факты этого донесения, где сообщается о том, как казаки беспощадно рубили до 300 человек за одну атаку. Всего в результате боев (правильнее сказать жестоких погромов безоружного населения) под Тюпом было отбито у киргизов около миллиона голов скота, все имущество. Таковы свидетельства командира 1-сборной сотни Семиреченского казачьего войска Фон-Берге².

Одной из главных причин подъема восстаний в азиатской части России было обеднение населения в связи с официальной политикой правительства на ускорение перехода кочевников к оседлости, что приводило к экспроприации их пастбищ. В наиболее вопиющей форме экспроприация осуществлялась в Семиреченской, Акмолинской, Кустанайской и Тургайской областях.

За таким отношением к кочевникам стояло предубеждение земледельцев в превосходстве оседлого образа жизни. Подобная политика, проводившаяся против кочевников Степи, как пишет Эдвард Д. Сокол в своем труде «Восстание 1916 года в Русской Центральной Азии», «была в свое время и в отношении индейцев: они должны были быть изгнаны в пустыню и их места должны были занять «надежные русские».

Изъятие хорошо защищенных пастбищ обрекало кочевников вместе с их стадами на суровые условия выживания, особенно в зимний период. Это приводило к уменьшению доходов коренного населения, которое помимо того жестоко обиралось торговцами и крупными торговыми фирмами, вторгшимися в Семиречье из центральных районов России. Таким образом, Семиречье теряло каждый год до 14-15% домашнего скота.

Причины для восстания против колониального гнета назревали давно. Яркий пример этому находим в «Указателе книг, журнальных и газетных заметок о киргизах (о казахах)» А.Е. Алекторова, где он приводит статью Н. Северцова «Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, совершенные по поручению Императорского Русского Географического Общества» (С.-Петербург, 1873 г. Стр. 765-766):

«В первой главе второго отдела книги Северцова говорится, между прочим, об отношении казаков к киргизам. Вообще незавидным, говорит почтенный ученый, представился мне казачий характер в Семиречье: лень, пьянство, грубость и распущенность нравов так и бросались в глаза во всех казачьих рассказах о их житье-бытье, и никто этого не стыдился; так и быть должно, да и чужая собственность, а паче киргизская, по искреннему убеждению семиреченского войска, создана для казачьей наживы. Особенно любили подводную повинность киргизов, которые, не платя податей, были до 1867 года обязаны доставлять верховых лошадей и вьючных верблюдов по всякому требованию начальства. Для наряда этих «подвод» посылались казаки и возвращались с даровыми халатами, баранами и даже лошадьми...

² (РГА НКВД Кирг.ССР ф.77, д.11л.30-33).

Это – казачий быт и характер. В мирное время; видел я их, продолжает он, и на войне в походе генерала Черняева в 1864 году. На войне они удалой народ... на разграбление беззащитных аулов, если киргизы разбегутся, но если есть хоть некоторое основание ожидать сопротивление, то семиреченские «гаврилычи», как и сибирские, весьма берегут жизнь от опасности. Так, напр., в 1864 году три самых удалых из полусотенного отряда с штуцерами побоялись одного киргиза с ружьем, на хромой лошади, что насмешило бывшего тут же солдата, оконченного стрелка. Он догнал киргиза, прицелился, и тот сдался без выстрела; пленный оказался выехавшим тайком на баранту с товарищами из киргизов, сопровождавших наш отряд. Излишне говорить, что и между семиреченскими казаками встречаются храбрые и честные, даже трезвые изредка, даже трудолюбивые, но общий характер не завиден. Они с чистой совестью обирают киргизов при всяком удобном случае и не скрывают этого. Убить киргиза для наживы – не грех, так как у басурмана не душа, а пар, как у скотины, и по всей степной окраине от Гурьева до Верного, приходится слышать, что нехристь и пес – одно и то же. Еще о казаках говорится во II главе. Н.А. Северцов указывает здесь на опустошение лесов бессмысленной порубкой и полей – бестолковым орошением; нарубит казак елей десять – свезет одну; наловит рыбы – сбить некуда, солить нечем, сварит похлебку, а воз – другой на берег вывалит на корм воронам, также и с дичью. Пашни занимают казаки киргизские – перегадят арыки, давай искать пашни новые. В противоположность казакам киргизы и сарты бережливы на дары природы; первые стараются извлечь большие урожаи с клочков земли, берегут новь для пастбищ, а вторые садят деревья в степи, разводят строевой и дровяной лес».

Назревавшее годами недовольство кочевников пришлыми колонизаторами неоднократно выливалось в народные восстания. А восстание 1916 года имело два самых больших очага: один – в Семиречье (Жетысу), другой – в Тургайской степи. И поводом стал не только указ о призыве на прифронтовые работы, но и усилившиеся темпы масштабной колонизации. К 1916 году созданный царизмом переселенческий фонд лишил казахов 40 млн га лучших земель. Казахи были вытеснены в бесплодную степь и горы. Особенно широким стало ограбление края в годы Первой мировой войны. Из степи в огромном количестве по принудительным ценам выкачивали скот. Была произведена реквизиция кибиток и кошм для царской армии. Между тем царская администрация в 1916 г. подготавливала изъятие новых земель для славянских колонистов. «Само существование казахской нации стало острой проблемой», – писал еще в 1913 г. А. Байтурсынов.

Непосредственным поводом к восстанию послужил указ царя от 25 июня 1916 г. о реквизиции инородцев Средней Азии и Казахстана «для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии». Набору подлежало все трудоспособное население в возрасте от 19 до 43 лет. В ответ на царский указ стихийно, почти одновременно, восстали народы огромного региона – Казахстана и Туркестана.

Крупнейшим центром национально-освободительной революции 1916 г. стало Семиречье. 6 августа казахи 5 волостей Верненского уезда оказали вооруженное сопротивление находившемуся там карательному отряду. Восставшие, в количестве 5000 человек, окружили станцию Самсы, расположенную на почтовом тракте Верный–Пишпек в 80 верстах от Верного. Наступление восставших на станцию началось в полдень. В тот же день станция Самсы была в руках вос-

ставших. 8 августа на Аксуйском джайляу состоялся казахско-киргизский съезд. Было принято решение поддержать курдайских повстанцев, выступить с призывом к нарынцам, направить половину своих вооруженных джигитов на помощь казахским повстанцам.

Генерал Куропаткин дал приказ «привести в покорность восставших, не стесняясь никакими средствами», использовать «родовую или племенную разницу туземного населения для борьбы с возмущившимися». В свою очередь генерал-губернатор Семиреченской области М.А. Фольбаум срочно рассылал в казачьи станицы винтовки и патроны для организации карательных отрядов из местного казачества. Не ограничиваясь этим, по установке генерала Куропаткина от 12 августа, было вооружено огнестрельным оружием русское кулачество переселенческих сел. При карательных отрядах, уездных городах области были созданы военно-полевые суды.

В горах близ Узун-агача произошли неравные бои между повстанцами Жайылмысской волости и карательным отрядом подполковника Базилевича. 12 августа генерал-губернатор области Фольбаум потребовал от уездных начальников Капала, Лепсинска, Джаркента, Пржевальска организовать погромы коренного населения. 15-го же августа он дал установку начальникам карательных отрядов: «считайте малейшие группировки киргиз кучами уже за мятеж, подавляйте таковой, при первом признаке волнения арестуйте хотя бы второстепенных главарей, предавайте полевому суду и немедленно повесьте».

По масштабности, охвату участников и последствиям восстание 1916 года представляло апогей освободительного движения за весь период колониального порабощения в составе империи. Наиболее ярко историю восстания 1916 г. раскрыли в своих произведениях классики казахской советской литературы Ж. Аймаутов («Карткожа»), М. Ауэзов («Килы заман»), С. Сейфуллин («Тар жол, тайгак кешу»), С. Муканов («Ботагоз»).

Здесь особо надо сказать о роли Жамбыла, непосредственного свидетеля и вдохновителя этой святой борьбы за права и достоинство родного народа. В 1916 году Жамбылу исполнилось 70 лет, и с вершины этих лет он особенно остро воспринимал участь родного народа. И именно в этом почтенном возрасте ему пришлось стать участником грандиозных событий, потрясших казахское общество. А во главе восставших казахов в предгорьях Алатау оказался один из его уважаемых соплеменников Бекбулат Ашекеев, несмотря на пожилой возраст, обуздавший боевого коня, чтобы защитить молодежь от угона на фронтные работы.

Не мог остаться в стороне и почитаемый народом акын, с болью воспринявший весть о принудительной отправке молодых мужчин в пекло чуждой их интересам войны. Жамбыл быстро откликнулся на царский указ «О реквизиции», написав песню «Черный указ»:

Болью налившись, плачь, струна,

В этот тоскливый час:

Ты услышала, моя страна,

Черный царский указ!

Вам ли, сыны, надевать ярем?

Голову молча гнуть?

Перед разлукой язык ваш нем,

Скорь разрывает грудь.

Нынче с джайлау уйдут старики,
 Вы же – в далекий путь...
 Силою всей материнской тоски
 Сына домой не вернуть...
 «Эй, от кибиток, – кричит волостной, –
 По одному от пяти!».
 Сам есаул к нам в полуденный зной
 Мчит по степному пути...
 Будьте вы прокляты, эти дни!
 Что там еще впереди?
 Сердце трепещет, в висках звенит,
 Воздуха нет в груди.
 Будьте вы прокляты, бий да бай,
 За то, что в людских сердцах,
 Ясных, как мир, как родимый край,
 Вы поселили страх...

Эти полные гнева и осуждения строки рождались в сердце поэта при виде того, как местные бии и старшины, сговорившись с чиновниками Верненского уезда, снаряжали и отправляли мобилизационные отряды к скотоводам на джайлау Улкенсаза, Ушконыра, Кумбела – летние пастбища родов племени Шапрашты, а не подчинившихся царскому указу карали безжалостно.

На борьбу призывали народ пламенные строки акына:

Что ж остается? Куда идти?
 Сдаться ли злой судьбе
 Или на скорбном своем пути
 Счастье искать в борьбе?..
 Мух на спине своей терпит скот, –
 Тот, кто подобен ему,
 Пусть пропадает, пускай умрет,
 Смерть собачья тому!

И народ поднялся на борьбу. Вооруженные чем попало, жители аулов стали нападать на представителей царской власти, поджигали местные канцелярии для уничтожения списков призывников, чтобы избежать отправки своих детей на тыловые работы.

Как известно, для подавления волнений в Жетысу власти снарядили карательную экспедицию в составе 2 батальонов, 33 сотен, 42 орудий и 97 пулеметных команд. Известны случаи истребления сотен мирных жителей, а подозреваемые в мятеже аулы сжигались. Все эти события нашли отражение в «Песне гневного солдата», написанной Жамбылом на примере восстания своих земляков, жителей Ушконырского джайлау:

В Верном пером подписал генерал,
 Черный, короткий приказ подписал.
 «Наших сынов из аулов угонят», -
 Вот что народ узнал...

Как писал в биографическом повествовании «Жамбыл» Ерлан Сыдыков: «Между тем на общем собрании жители Ушконыра и Каргалы приняли решение людей не сдавать, с гор в долину не спускаться. В случае насильственных дей-

ствий со стороны властей восставшие намеревались разрушить телеграфные столбы, уничтожить списки призываемых на тыловые работы, сжечь канцелярии волостных управлений. Руководителем восставших сородичей Жамбыла стал Бекболат Ашекеев, которому в 1916 году было за 70 лет. Он дал указание участникам собрания *держат наготове оружие и лошадей у каждой юрты*»³.

Однако в столкновении с властями силы были неравны. Как писал в своей песне Жамбыл об аресте руководителей восстания «Царь не прощает бунтовщиков» и далее звучат гневные строки:

*Их увезли... Мой родной народ,
Ненависть в сердце твоём растёт!
Воздух горит, и пылаёт солнце...
Гнев твоё сердце жжёт!*

Далее акын описывает как ведут заключённых на допрос к самому губернатору и завершает песню жестким приговором властей.

*Многим пришлось тогда умереть...
Долго над ними свистела плеть...*

Между тем вслед за Бекболатом Ашекеевым Туркестанскому военно-полевому суду были преданы 23 его соратника. Почти все приговорены к смертной казни через повешение. Остальные повстанцы ушли в Китай. И Жамбыл завершает свою гневную песню словами:

*А кости борцов, не узнавших свободы,
Белеют в траве степной.*

Теперь обратимся к фактам, изложенным в моей книге «Жамбыл»: «В 1916 году не узнавшие Жамбыла среди собравшихся каратели поскакали в следующий аул. Там тоже сказали, что Жамбыла среди них нет, и направили дальше. Наконец они остановили группу, среди которой оказался Жамбыл. Их арестовали и доставили в Верненскую тюрьму, стали допрашивать. Услышавший об этом народ собрался возле тюрьмы и начал скандировать: «Жамбыл невиновен!». Руководители губернии и правоохранительных служб испугались народного гнева и освободили заложников» (Дастан ата: Воспоминания о Жамбыле Жабаеве. Сост. Н. Торекулов. – Алматы: Жазушы, 1989. – Стр. 131).

Е. Исмаилов в книге «Жизнь акына» (Алматы: Жазушы, 1965. – Стр. 49) писал: «Жамбыл был среди участников исторического восстания 1916 года, поддержав протест народа против царского правительства, он с большой надеждой смотрел на выступления повстанцев в различных уголках Семиречья».

Суровая правда тех лет раскрывается во многих произведениях. Документально и наиболее ярко восстание 1916 года было отражено в статье Турара Рыскулова «История борьбы за освобождение Востока»⁴.

«В результате карательных мер царской власти в Жетысуйской области, по подсчетам самой царской администрации, убыль населения насчитывалась к началу 1917 г. в 30 процентах (включая бежавших в Западный Китай), а убыль в киргизском хозяйстве в регионах восстания исчислялась в 75 процентах всех хозяйств, не говоря о конфискованных и предложенных конфискации земельных площадях у кочевников. Так же жестоко были наказаны туркмены-йомуды и узбеки, поднявшие восстание в Ферганской области и Туркмении.

³ Ерлан Сыдыков. Жамбыл. Москва изд-во «Художественная литература. стр. 215

⁴ Рыскулов Т. Избр. труды. Алма-Ата, 1984.

Не говоря об истреблениях и сожжениях целых аулов, кишлаков и количестве убитых за время карательных действий, к 1916 г. одних приговоренных судом к смертной казни насчитывалось 347 человек, к каторжным работам – 168, исправительным арестантским отделениям – 228 человек и тюремному заключению – 129 человек. Помимо этого у “бунтовщиков” конфисковывались имущество и земли.

С самого начала народных выступлений царская администрация принимала жесткие меры их подавления. Генерал Куропаткин дал приказ “привести в покорность восставших, не стесняясь никакими средствами”, использовать “родовую или племенную рознь туземного населения для борьбы с возмущившимися”».

Для подавления народного движения в Семиречье царское правительство снарядило целую карательную экспедицию в составе сотен, 42 орудий и 97 пулеметных команд. Царскому правительству удалось быстро обезглавить движение. Публично был повешен на сопке Бурундай один из лидеров восстания в Семиречье Бекболат Ашекеев.

По данным на январь 1917 года более 273 тыс. населения восставших аулов Семиречья карателями было загнано в Китай. В результате карательных мер царской власти в Джетысуйской губернии, по подсчетам самой царской администрации, убыло 53 тысяч хозяйств (30 проц., включая бежавших в Западный Китай). Аулы и кишлаки на всем протяжении от Верного до границы с Китаем были превращены в развалины. Оставшаяся часть, 37 355 казахских семей этого огромного региона, была загнана в бесплодные горные районы или пустынные зоны Прибалхашья. В районах восстания осталось в среднем не более 1/3 поголовья скота.

Горе и лишения, которые обрушились на коренных жителей степей, напомнили годы великого бедствия в период джунгарского нашествия. Царизм жестоко мстил восставшим. Горели сотни аулов, много безвинных было расстреляно в степи. Обозы карателей были до отказа завалены награбленным в аулах добром – кольцами, браслетами, кошмами, коврами, бархатными халатами и бешметами, соболиными шапками.

Причины восстания коренятся в произволе колонизаторов, непомерных притеснениях ими народа, насильственном захвате земель и вытеснении шаруа в пустыни и каменистые пустоши. Царское правительство, объявив казахские земли государственной собственностью, лучшие из них распределило между русскими крестьянами-переселенцами и казачеством. За два столетия колонизации Казахстана Российская империя присвоила около 45 млн десятин казахской земли, или 16% территории Казахстана.

В конце августа восстанием были охвачены все волости Семиреченской области. Туркестанский военный округ был объявлен на военном положении. Вот тогда разрозненные стихийные выступления вылились в народно-освободительное восстание. Повстанцев вдохновлял на борьбу Токаш Бокин, а непосредственными вожаками джигитов были Бекбулат Ашекеев, Нука Сатыбеков, Байбосын Тамабаев, Узак Саурыков, Жаменке Мамбетов, Естай Жанабергенев, Айтык Алабергенев, Айдос Тунгатаров, Айкын Жолдербаев, Доскен Жамамурынов, Елкен Доскеев, Курман Бесбаев и другие. С каждым днем в их отряды вступали все новые и новые участники. Они боролись с большим мужеством и упорством. Хотя повстанцы были вооружены самодельными ружьями, а чаще всего ножами,

топорами и дубинами, они смело отбивали атаки карателей. Их отряды стремительно врываются в байские аулы и угоняли принадлежавших богатеям лошадей; они захватывали почтово-телеграфные станции и полицейские участки, убивали ненавистных полицейских и волостных управителей. Действия повстанцев привели к прекращению телеграфной связи между Верным и Ташкентом.

Борьба носила крайне ожесточенный характер. С прибытием регулярных войск она приняла для восставших тяжелый оборот. Войска постепенно загоняли их в горы, где острый недостаток фуража и провианта вынудил их к сдаче в середине ноября 1916 года. Свыше 300 тыс. казахов перешли в Китай, где они были ограблены китайскими киргизами и казахами, проданы в рабство. Население Семиречья заплатило дорогой ценой за восстание, ибо невозможно представить точные цифры человеческих потерь. В частности, людские ресурсы Жаркентского уезда за период между началом Первой мировой войны и 1 января 1917 года уменьшилось до 73%, Лепсинска – до 47%, Верного – до 45%.

Потери были значительны. Десятки тысяч людей пали от рук карателей. Приказом Туркестанского генерал-губернатора при всех карательных отрядах и во всех уездных городах были созданы военно-полевые суды. На 1 января 1917 года 347 повстанцев были приговорены к расстрелу, 168 – к каторжным работам, 729 – к различным срокам тюремного заключения.

Сегодня пришло время дать историческую оценку восстанию как национально-освободительному движению. Ведь это движение носило освободительный характер и было самым крупным после восстания Кенесары. Это было народное выступление против царского режима, который более полувека властвовал на казахской земле.

Пора признать горькие последствия подавления восстания, безжалостное уничтожение сотен аулов и их населения. Раскрыть общие захоронения тех лет и установить на них памятные надгробия. Трагедия тех лет и ее жертвы должны остаться в памяти потомков.

ПОЗОРНАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ РОССИИ

Восстание, потрясшее основы Российской империи, осветил директор Института истории и этнологии имени Ч.Валиханова, член-корреспондент НАН РК Хангельды Абжанов в статье «Ұлы сілкініс». Автор приводит выдержки из доклада А.Ф. Керенского на закрытом заседании Государственной думы от 13 декабря 1916 о событиях 1916 года в Туркестанском крае и степных областях: *«События эти, Господа, не только внесли экономическое разрушение, не только нарушили спокойное течение жизни в огромных областях России, но они были соединены с жертвами как со стороны русского, так и туземного населения. Погибло несколько тысяч (2-3) русского населения и много десятков тысяч туземного».*

Здесь хотелось бы кратко остановиться как на самом докладе, так и на неоднозначной личности Керенского, который был направлен Государственной думой в Туркестанский край в составе комиссии, куда вошел еще член мусульманской фракции Кутлу-Мухаммед Тевкелев, а секретарь мусульманской фракции Мустафа Шокай (Чокаев) был прикреплен к комиссии как помощник и переводчик.

В детстве Керенский жил в Симбирске. Его отец был там директором гимназии той самой гимназии, где учился юный Владимир Ленин. Семьи Ульяновых и

Керенских связывала личная дружба. Позже Керенские переехали в Туркестан, где Александр учился в Ташкентской гимназии, которую окончил с золотой медалью, а завершил образование на юридическом факультете Петербургского университета. Он принимал участие в революции 1905-1907 годов, а после неё был избран депутатом IV Государственной думы.

Так что в Туркестан он был направлен как знаток этого края, неравнодушный к судьбам его населения, что четко прослеживается в его докладе, в котором объективно и документально изложены как сами события, так и их причины. Похвально, что Керенский преследовал целью разобраться в причинах этих ужасных трагических событий, установить виновников этого происшествия и попытаться найти те корни, которые вызвали события, и предотвратить их в будущем.

Невольно обращаешь внимание на его слова о том, что если бы в Тамбовской или Московской губернии внезапно во время разгара полевых работ приняли меры увода куда-то в неизвестные пространства всего мужского трудоспособного населения, то последствия были бы гораздо в большем размере, чем они были в Туркестане и Степных областях. А ведь кроме того в продолжении всей войны непрерывно шли реквизиционные сборы (лошадей, кибиток, верблюдов) с местного населения. А местная администрация была послушным агентом в руках русской администрации, и в тесном союзе с нею обогащалась, вымогая и эксплуатируя население.

«И нам, представителям русской государственности, русской культуры, – пишет Керенский, – всем без различия партий должно быть болезненно стыдно за то поношение, за то оскорбление, осквернение русской культуры, которое прodelьвалось, русскими чиновниками, когда наша культура бросалась в грязь на глазах этой местной туземной массы».

Из его доклада в Госдуме видно, что волнения начались стихийно, на всем пространстве Туркестана и Степных областей никакого вооружения, заготовленного туземцами, не было обнаружено. В их распоряжении оказались несколько старинных, кремневых ружей, затем были приготовлены именно на этот случай железные полосы, вроде кос, палки, вроде булавы, дубины и т.д. Только в Семиречье киргизы получили в свое распоряжение, уже в разгар беспорядков, некоторое количество винтовок, которые были, ими отбиты от транспорта, перевозившего оружие в один из далеких уездных городов в Семиреченской области. А между тем карательные отряды на своем пути сжигали все туземные поселения и уничтожали население без различия пола и возраста.

Например, в селе Беловодск приводят около 500 киргизов из волости, где были составлены списки для того, чтобы отправить их дальше в уездный город. Но местному русскому населению кажется ненужным охранять этих киргизов и большая часть этих безоружных и добровольно находящихся среди русского населения киргизов палками и камнями уничтожается. Остальных ведут в уездный город Пишпек и там на глазах начальства в тот же день вечером на Соборной площади, под звуки музыки кинематографа... добиваются остальные. А в селе Луговом, где отряд солдат оцепил, вместе с местными русскими поселенцами, громадную толпу киргизов и стал гнать их, безоружных, выстрелами и нагайками к утесу, внизу которого была река, и сбросил туда этих людей. Не случайно при обнаружении таких фактов в зале Думы звучали выкрики: «Позор!».

И все это не было преувеличением. Докладчик приводит выдержки из официальной газеты о происходившем в горах Семиречья: *«Известное возмездие уже постигло, конечно, мятежников, войсками перебито много тысяч киргизов. Их стойбища уничтожаются, огромное количество их стад переходит в руки войск, администрации. Но это не все. Главный результат комбинированных операций войск заключается в том, что все мятежники загнаны сейчас в такие горные районы, где вскоре вследствие холода и голода они в полной мере почувствуют последствия своего безумного восстания. Уже доходят сведения об их лишениях и болезнях среди них, но войскам приказано не давать врагу пощады».*

А ведь это были огромные массы людей, которые ушли в горы искать убежища или бежать в поисках новой родины в Китай, но под давлением войск эта масса женщин, детей, взрослых и стариков обрекалась холодно и спокойно на голодную смерть.

Говоря словами Александра Керенского, это было неизгладимой страницей позора в русской истории. И прав был тот представитель военно-прокурорского надзора, который, побывав в Джизаке на одном из дел, которое было после усмирения; восстания, вернувшись домой в Ташкент, сказал: «Мы не знали, куда деваться от стыда, мы увидали позорную страницу истории России!»

Сердце обливается кровью, когда читаешь подобные строки о расправе над мирным населением. Есть немало и других источников, в которых отражена суровая правда тех лет.

Так, на 15-ой годовщине национально-освободительного восстания 1916 года, в 1931 году лидер туркестанской эмиграции М. Шокай писал об этом событии как одном из грандиозных выступлений против царизма. Он резко критиковал позицию большевиков в оценке данных событий и отрицал наличие классового мотива восстания. Сторонник идеи единого и неделимого Туркестана Мустафа Шокай охарактеризовал это восстание как азбуку туркестанского национального движения, антиколониальное выступление против Российской империи. М. Шокай состоял переводчиком в составе направленной в Туркестан в августе 1916 года правительственной комиссии для выяснения причин восстания во главе с членом Государственной думы А.Ф. Керенским и членом мусульманской фракции думы К.-М. Тевкелевым.

В статье «Керенский и национальное движение в Туркестане», написанной в 1930 г., Мустафа Шокай упоминал о большом авторитете Керенского среди туркестанских народов и запомнившейся тогда его речи в мечети Андижана о дружбе и взаимопонимании между туркестанцами и русскими, о либеральных ценностях, общих для русской демократии и туркестанцев. При этом нельзя не отметить, что далее, в той же статье Мустафа Шокай подверг критике популизм Керенского: переменчивость его позиции в последующем на посту главы Временного правительства, а затем в эмиграции.

Первым в советский период дал оценку восстанию 1916 года Санжар Джафарович Асфендияров – видный общественный и государственный деятель и ученый, являвшийся народным комиссаром здравоохранения и земледелия, заместителем председателя СНК Туркестанской АССР, членом Президиума ВЦИК и секретарем Совета Национальностей ЦИК СССР, ректором Казахского государственного университета (1928-1931), директором Государственного медицинского института (1931-1933), Народным комиссаром здравоохранения КазАССР (1931-1933), заместителем народного комиссара просвещения КазАССР (1933) и первым заместителем председателя Казахской базы АН СССР (1932-1937).

Изданная им к 20-летию исторического восстания казахов против царизма книга «Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане» представляет собой актуальную научно-исследовательскую работу, подробно раскрывающую корни и истоки этого восстания. Обращаясь к восстанию казахских масс как одному из ярких моментов национально-освободительного движения, он показывает длительную борьбу на протяжении почти двухсот лет за освобождение от имперского гнета.

Книга начинается с истории колониальной политики царизма в отношении к казахскому народу. Еще с начала XVIII века началось продвижение царской России в казахские степи – «ключи и врата» по всем Азиатским странам, по выражению Петра I. А середина XIX века ознаменовалась интенсивным продвижением царских войск вглубь Средней Азии. В своих международных нотках царское правительство в 1864 г. объясняло наступление необходимостью «оборонительных мер» против «некультурных и диких соседей», указывало на «высокую культурную миссию» царизма на Востоке. Но это была, по мнению Асфендиярова, «беззащитная ложь самодержавной клики».

Колониальная политика царской России не имела ничего общего с «культурной», «цивилизаторской» миссией. Казахские степи были ареной возмутительных грабежей со стороны царских войск. И вся тяжесть колониального гнета в Казахстане достигает своего апогея в XX веке. Именно поэтому самое крупное массовое восстание казахских масс происходит в 1916 году, став своего рода кульминацией освободительной борьбы казахского народа за весь период колониального порабощения со стороны Российской империи. Впервые после национально-освободительного движения под руководством Кенесары Касымова восстание 1916 года имело всеказахский характер, оно охватило все регионы обширного края. Восстание имело антиколониальную и антиимпериалистическую направленность, хотя в советский период оно представлялось как классовая борьба.

Оно было направленно против военно-колониаторской политики царизма, против феодально-байской верхушки аула, против империалистической войны. Главной целью восстания 1916 года являлось национальное и политическое освобождение казахского народа, т. е. обретение свободы и независимости.

Как отмечает Асфендияров, «если смотреть глубже, можно констатировать непрерывное брожение казахских масс против колониального гнета. При анализе многочисленных судебных дел обращает внимание большое количество казахов, осужденных на каторжные работы».

С началом XX века национальное движение в Казахстане начинает делать свои первые шаги. Казахская национальная буржуазия и интеллигенция не решались выступать открыто против царизма, не верили в революционные силы казахского народа. Поэтому они не могли стать во главе масс в борьбе против царизма. Лишь революция 1905-1907 гг. всколыхнула массовое национальное движение в казахской степи.

Но вернемся к оценке событий 1916 года Санжаром Асфендияровым, считавшего, что 1916 год подвел итоги колониальной политики российского империализма, показал в обнаженном, неприкрытом виде невыносимый национальный гнет царизма, вызвавший возмущение казахских масс.

Ученый приводит в своей книге стихи народного акына Нурмагамбета, в которых отражены истоки народного освободительного восстания:

*Царь, белый царь, что стало с тобою!
Обманул ты нас, собираешь ты наших джигитов,
И пошли на тебя мы степною войной,
Ведь с горя и трус идет в стан храбрецов.
Ты сперва покушался на веру нашу, насилья чинил.
Не давал нам прав наравне с другими людьми.
Потом, отбирая нашу землю и воду, ты нас разорил.
Ты считал нас безмолвным скотом и рабами!
Теперь же покушаешься на нашу жизнь...*

Таким образом, восстание 1916 года было подлинно массовой, народной войной. Начали создаваться группы людей, вооруженных самодельным оружием (пиками, саблями, топорами). Повстанческое движение в степи разрасталось с каждым днем. Отряды восставших казахов имели военный строй, и участники их проявляли большую храбрость, невзирая на огонь царских частей. Карательным отрядам трудно было поддерживать связь, отряды казахов постоянно разрушали телеграфные линии.

О размахе восстания в Семиречье можно судить по материалам книги того же Асфендиярова: «В начале августа казахи западной части Верненского уезда захватили весь почтовый тракт от с. Казанско-Богородское (Узун-Агач) до Курдая, перерезали телеграф и разграбили конно-почтовые станции Самсы, Таргап и Отар. После упорных сражений восставшие были разбиты и отступили частью через горные перевалы в Чуйскую долину, частью к озеру Балхашу.

Высылая из Верненского гарнизона сильные отряды против восставших казахов на Самсы до Асы, военное командование притянуло в Верный подкрепления из Копала и Джаркента (по одной роте дружинников), сформировало дружины из Верненских кулаков (в составе 400 человек), вооружив их винтовками из местного артиллерийского склада»⁵.

Интересен пример межнационального объединения восставших. Так, киргизы Пишпекского уезда и казахи Муюнкумовской и Сарытукумовской волостей Верненского уезда послали своих представителей к дунганам. Собравшиеся дунгане, киргизы и казахи дали клятву (бату) не давать людей в армию и восстать против царской администрации. А молодежь Отарской части Верненского уезда категорически отказалась явиться на сборные пункты. 12 июля в с. Корам Верненского уезда 45 уйгур, вооруженных топорами, ножами и палками, напали на волостного управителя и убили его.

В конце сентября началось восстание в Копальском уезде, 26 сентября после боя отряд повстанцев отступил из пос. Каратальского в окрестные горы верховьев р. Каратала. Головной разъезд карательного отряда, преследовавший отступающих, внезапно был встречен засадой из 300 человек.

По дороге напор карательного отряда сдерживался партизанскими отрядами. В казахских аулах оставались одни женщины, которые помогали восставшим, пекли для них лепешки и поставляли другие продукты.

Начальник карательной экспедиции требовал суровых мер. «По моему мнению, – писал он, – бунтовщиков в Каратальской волости обязательно нужно истребить, скот реквизируют и выселить волость в другие мирные волости, что только и может послужить суровым уроком для всех остальных».

⁵ Асфендияров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. М.-А., 1958.

Характерно в этом плане обращение возглавлявшего отряды карателей генерала Лаврентьева с просьбой снабдить его «по крайней мере, тремя станциями радиотелеграфа и аэропланами». Командующий Казанским военным округом Сандецкий поддержал просьбу начальника карательной экспедиции.

«Высадка аэропланов, – писал он, – является настоятельно необходимой мерой». Однако царский генеральный штаб отказал в высылке генералу Лаврентьеву грузовиков, автомобилей, аэропланов, радиостанций и телеграфа, приведя следующие мотивы:

«Бунтующие ныне киргизы не превосходят по своим военным качествам того противника, с коим наши войска имели дело при покорении нынешних наших азиатских владений, причем ныне на стороне наших войск безусловное преимущество в вооружении благодаря скорострельной винтовке и пулеметам, коими бунтующие киргизы не располагают... К тому же в указанных технических средствах крайне нуждаются наши войска на Западном фронте»⁶.

* * *

Вспышка протестных настроений пришлась на июль-август 1916 года, когда русское правительство решило использовать нерусское население России на тыловых работах. 25 июня 1916 года был опубликован указ, по которому все нерусское население в возрасте 19-43 лет должно было быть «реквизировано» для работы по созданию оборонительных сооружений в районе действующей армии и на тыловые работы. Всего, по предварительным подсчетам, должно быть мобилизовано 390 тыс. человек.

Данный указ ставил казахскую степь в крайне тяжелое положение, потому что мобилизация проводилась во время уборки урожая и подготовки скота к перегону на зимние пастбища, сенозаготовки. Призыв всего трудоспособного мужского населения подрывал экономическую базу казахского хозяйства. Фактически оставшиеся казахи обрекались на голодную смерть зимой 1916-1917 гг. Вступление России в первую империалистическую войну тяжело отразилось на положении жителей Казахстана. Война резко ухудшила экономическое положение, обострила социальные противоречия в стране. В Казахстане падало сельскохозяйственное производство, сокращались посевные площади, продолжалось изъятие земель у местного населения, особенно в Семиреченской и Сырдарьинской областях. Производилась массовая реквизиция скота и сельскохозяйственных продуктов, фуража, мобилизация лошадей и средств транспорта.

Например, за время войны из Туркестанского края было вывезено 300 тыс. пудов мяса, 70 тыс. голов лошадей, 13 тыс. верблюдов. Под видом помощи семьям мобилизованных была введена трудовая повинность, т.е. казахи в качестве рабочей силы должны были пахать, сеять и убирать урожай в переселенческих деревнях. В годы войны в Казахстане резко ухудшилось материальное положение трудящихся, снизилась заработная плата рабочих, выросли вдвое и больше цены на продовольствие. Налоги и сборы возросли в 3-4 раза, а в отдельных случаях – в 15 раз. Усилились полицейский надзор, произвол и насилие со стороны царских чиновников, байства.

⁶ С.Д.Асфердиаров. «Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане». Казахстанское краевое издательство. Алма-Ата – Москва, 1936.

Таким образом, Первая мировая война привела к общенациональному кризису, как в центре, так и на национальных окраинах империи, вызвала повсеместно революционный кризис, подъем национально-освободительного движения.

В советские годы под жестким идеологическим контролем цензуры в Казахстане советская печать не затрагивала идею независимости, поэтому источники как таковые отсутствовали долгие годы. Советская идеологическая машина изменила подход общества к проблеме национальной независимости, а всякое проявление национальных чувств долгое время объявлялось национализмом и всячески осуждалось. Поэтому интересующая нас тема в работах историков советского периода во многом замалчивалась.

Однако современная исследовательская мысль в Казахстане не стоит на месте. В статьях таких казахских ученых, как Кенес Нурпеисов, Манаш Козыбаев, дается объективная оценка восстанию 1916 года как неотъемлемой части национально-освободительного движения. А в учебных материалах по истории Казахстана А. Абдакаимова, А. Кузембаева, Е. Аманжолова широко раскрывается антиколониальная борьба казахов конца XVIII – начала XIX вв.

Погасить пламя антиколониального восстания властям не удалось. Постепенно стихийное движение стало принимать организованный характер: сформировались его крупные очаги в Тургае и Жетысу во главе с признанными степными лидерами Амангельды Имановым, Абдулгаппаром Жанбосыном, Алиби Жангильдиным, Токашем Бокиным, Бекболатом Ашекеевым и другими.

В июле 1916 г. Амангельды и Абдулгаппар Жанбосын начали собирать разрозненные казахские отряды в единую армию. Амангельды был избран повстанцами сардарбеком (главнокомандующим повстанческой армией). Помощником его стал Оспан Шолак, а Абдулгаппар Жанбосын был провозглашен ханом. Армия Амангельды отличалась от других отрядов повстанцев организованностью и дисциплиной. Сарбазы-солдаты делились на десятки, сотни и тысячи.

И опять хочется обратиться к стихам Жамбула:

*Пою я про грозный шестнадцатый год,
И сразу припомнилось: в синих туманах
Пожар бушевал над родным Казахстаном,
И сразу я вспомнил, как смелый народ
Пошел на царя и на баев в поход,
Под знамя того, кто не трусил беды, –
Чапая казахского – Амангельды.*

Наряду с Жамбылом певцом героев восстания стал выдающийся казахский акын-импровизатор Нурпеис Байганин. В 1916 году в его творчество вливается новая струя. Нурпеис становится пламенным певцом-агитатором, воспекает вождей восстания 1916 года – Амангельды (под именем Жакипа) и Каражана. Его песни широко распространяются по казахским степям.

Пробуждению сознания угнетенного народа способствовали поэты новой генерации. И прежде всего приходят на память стихи Ахмета Байтурсынова и Миржакипа Дулатова, пронизанные болью о горькой участи народа и духом борьбы с режимом подавления национального духа и сознания.

Будучи заключенным в тюрьму, А. Байтурсынов писал:

*Не могу с такой судьбой примириться,
Когда произвол порождает страх.*

*Не в силах слово к людям пробиться,
Словно зажато в могильных тисках.
Не можешь правду людям сказать
О горьком и жалком их прозябании.
И горько, что люди не могут понять,
За что это все наказание...*

Его мятежный дух не мог успокоиться даже в заключении, и он послал своим близким еще одно стихотворение:

*Под занесенным над горлом кинжалом
Вырывается крик протеста
Не только у человека, но и у животных.
Точно так же и мы издаем крик протеста,
Чтобы не ставили власти нас
Ниже всех бессловесных тварей.*

И действительно, никогда застенки не укрощали поэтов. Никакие доносы и преследования не могли заставить Ахмета замолчать, и гордый голос его доносился до народа.

Вскоре под псевдонимом «Аргын» были опубликовано проникновенное, наполненное высоким гражданским пафосом стихотворение:

*Хоть копьем уколи,
Беспробудно лежишь ты, казахский народ.
Какой же крепкий сон
Наслал Господь на весь наш род!
Где еще так беспечен люд,
И не в том ли его вина,
Что впадает он в сон беспробудный
Так что веки припухли от сна.
Вся надежда моя на молодых,
Что взошли как в саду цветы.
Добивается цели тот,
Кто стремится до нее дойти.
Возглавляй, молодежь, народ,
Проведи его через мглу.
Через реку находит брод
Только сильный и смелый вожак,
Как в стаде слепых овец
Верховенство берет серке.*

Родились эти страстные строки в Санкт-Петербурге, куда в 1907 году их автор, Миржакип Дулатов, поехал на Всероссийский съезд кадетов в качестве делегата от казахской партии конституционных демократов

В 1910 году молодой поэт вновь обращается к родному народу со ставшими впоследствии знаменитыми стихами «Проснись, казах», которые тотчас привлекли всеобщее внимание и многие годы передавались из уст в уста.

*Проснись, казах, стряхни свой сон, глаза раскрой,
Чтоб в темноте остатки дней не прозябать.
Ослаб твой дух, теряешь землю под собой,
Так хватит же, казах, тебе лежать.*

Такие слова прозвучали впервые. Акын призывал казахов пробудиться ото сна. Никогда прежде не звучал такой призыв к народу. Именно такие обращения поэтов находили отклик в сердцах народа, пробуждали гордость и волю, стремление к свободе.

Но вернемся к восстанию 1916 года и обратимся к другим трудам его исследователей.

БЕРЕЧЬ СВЯТУЮ ПАМЯТЬ

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война принесла народам России тяжчайшие страдания. Усилился социальный и национальный гнет. В годы войны неизмеримо увеличился произвол и насилие царских чиновников на местах. Продолжалось массовое изъятие земель у казахов. Война поглощала огромное количество сырья, продовольствия, скота и других материальных ценностей. Был введен новый, военный, налог с кибитки. Налоги на местное население с началом войны возросли в 3-4 раза, а в отдельных случаях в 15 раз.

В условиях войны лидеры казахской либерально-демократической интеллигенции – А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов и их сторонники, объединившиеся вокруг общенациональной газеты «Казах», а также представители крестьянско-демократического направления казахской интеллигенции в лице М. Сералина, Б. Майлина, С. Донентаева и др., группировавшиеся вокруг журнала «Айкап», стремились к укреплению своего влияния в народе через печатное слово. Казахские интеллектуалы своим разносторонним творчеством, выдвигая общедемократические требования и выражая свои мысли зачастую эзоповским языком, способствовали формированию в крае антиколониальной политической ситуации, внедряли в сознание народа идею необходимости национально-освободительной борьбы.

Война ускорила процесс назревания всеобщего кризиса в Российской империи, одним из ярких проявлений которого явилось национально-освободительное восстание 1916 года, охватившее почти все районы Казахстана и Центральной Азии.

Главными причинами восстания явились факторы социально-экономического и политического характера: усиление колониального гнета, изъятие земель, непомерное увеличение налогов и поборов, политика русификации, проводившаяся царизмом в отношении казахского и других коренных народов региона, резкое ухудшение положения широких масс. Главными из этих причин следует считать массовое, насильственное изъятие исконно казахских земель и усиление колониальной системы управления краем.

Круг опубликованных в различные годы воспоминаний о движении 1916 года весьма ограничен: «Восстание 1916 года в Казахстане». Сборник воспоминаний и материалов. – А-А., 1937; «1916 год». А-А., 1940 (на казахском языке); «Восстание 1916 года в Казахстане» (документы и материалы). А-А., 1947; «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане». Сборник документов и материалов. М., 1961; «Амангельды Иманов». Статьи. Документы. Материалы. А-А., 1974.

В 1976 году под редакцией академика С.Б. Бисембаева вышел сборник документов и материалов, посвященный одному из руководителей национально-освободительного движения 1916 года Амангельды Иманову.

В сборнике избранных трудов ученого-историка и общественного деятеля, члена академии Национальной академии наук Республики Казахстан Манаша Кабашевича Козыбаева «Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана», вышедшем в издательстве «Гылым» в 2006 г., представлены 24 работы по ключевым проблемам истории казахской государственности, национально-освободительного движения и новейшего времени.

Большой интерес представляет сборник документов и материалов в 2-х томах «Грозный 1916» (Алматы, 1998), посвящённый 80-летию национально-освободительного движения казахского народа. Отобранные к публикации воспоминания дают возможность, с известной долей достоверности, ознакомиться с особенностями реакции на царский указ от 25 июня 1916 г. в различных регионах, развитием событий от низших форм проявления недовольства до упорной и длительной вооружённой борьбы, нацеленной на национальное освобождение. Особая ценность их состоит в том, что они называют новые имена героев сопротивления.

Тем не менее, документальное исследование национально-освободительного восстания 1916 года остается недостаточно изученным и требует углубленного и разностороннего исследования.

Историческая справедливость требует объективной и взвешенной оценки достоверных научных источников и учета всех факторов, повлиявших на события 1916 года. После некоторого затишья в исследовании темы, в преддверии юбилея эта проблема вновь приобретает актуальность.

Когда начались стихийные недовольства, вскоре переросшие в вооруженное восстание, первыми удар народного возмущения приняли на себя волостные управители, аульные старшины и прочие низовые агенты царской администрации, непосредственно составлявшие списки на тыловые работы. Пользуясь отсутствием тогда у казахов метрических свидетельств, они произвольно включали бедняков в списки, независимо от возраста, а байских сыновей за взятки освобождали от призыва. На практике система составления списков породила массовое взяточничество и злоупотребления.

К тому же царские власти освободили от набора должностных лиц, волостных, сельских и аульных управителей, низших полицейских чинов из коренных жителей, имамов, мулл и мударисов, чиновников правительственных учреждений и лиц, пользующихся правами дворян и почетных граждан.

В связи с этим хотелось бы обратиться к некоторым источникам из трудов известных исследователей:

«Трудящиеся, доведенные до отчаяния жестоким указом царя и несправедливыми методами его осуществления на местах, вооруженные чем попало, бросались на представителей царской власти: волостных управителей, аульных старшин, полицейских, казаков, чиновников и с криками: «Не дадим людей!» расправлялись с ними. Восставшие поджигали канцелярии и дома волостных управителей, аульных старшин, уничтожали делопроизводство и списки мобилизованных, наивно полагая, что таким путем они избавятся от набора на тыловые работы»⁷.

⁷ Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. М., 1986, – 300 с.

Постепенно стихийное движение стало принимать организованный характер, перерастая в вооруженное восстание; появились крупные очаги в Жетысу и Тургае.

Восстание охватило весь Казахстан и переросло в национально-освободительное движение, направленное главным острием против военно-колонизаторской и широкомасштабной русификаторской политики царизма и в определенной степени – против феодально-байской верхушки аула.

Главной целью восстания 1916 года являлось национальное и политическое освобождение, тем самым оно подводило итог всей предшествующей борьбе казахского народа за свободу и независимость.

Здесь важно отметить, что «национально-освободительное движение 1916 г. в Казахстане по своему составу было мононациональным, за исключением его южных областей, где наряду с казахами в восстании участвовали уйгуры, узбеки, кыргызы, дунгане и представители некоторых других народов»⁸.

Одной из особенностей восстания 1916 года стало то, что на борьбу поднялись низы. Отсюда призыв со стороны национально-демократической интеллигенции – покориться судьбе, помочь воюющей державе, частью которой был Казахстан. Этот призыв большинство народных масс не поняли и не приняли.

Иную линию заняла казахская либерально-демократическая интеллигенция, возглавляемая А. Букейхановым, объединившаяся вокруг газеты «Казах». Эти лидеры предложили отложить мобилизацию и провести ее после соответствующей подготовки, они надеялись, что в случае победоносного окончания войны им удастся создать национальную автономию. Так же они призывали не оказывать сопротивления царским властям в целях избежания репрессий. Свидетельством этой позиции являются материалы: «Частного совещания казахов Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей», состоявшегося 7 августа 1916 г. в Оренбурге под председательством А. Букейханова.

Возникшее в разных районах Казахстана стихийное движение постепенно стало принимать организованный характер: появились его крупные очаги в Жетысу (руководители – Бекболат Ашекеев, Узак Саурыков, Жаменке Мамбетов, Токаш Бокин, Аубакир Жунусов, Серикбай Канаев, Монай и Мукан Узакбаевы и др.) и Тургае (руководители – Абдугафар Джанбосынов, Амангельды Иманов, Алиби Жангельдин и др.).

Власти пытались остановить восстание репрессивными мерами. В июле по всей территории Казахстана объявляется военное положение. 17 июля 1916 года в Ташкенте был образован Особый временный военный суд. Кроме того, было разрешено формирование особых судов из строевых офицеров карательных частей.

Наглядный пример бесчинства карателей имеется в книге Г. Сапаргалиева «Карательная политика царизма в Казахстане»:

«Отрядом ротмистра Кравченко на Каркаринской ярмарке было задержано несколько сотен торговцев и под конвоем отправлено в г. Пржевальск. 15 августа у села Тепло-Ключинского почти 500 человек было убито озверевшими карателями. Оставшихся в живых 17 человек посадили в тюрьму при волостном правлении, но на следующий день семеро были убиты во дворе тюрьмы без суда.

⁸ Асфендияров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. М.-А., 1958.

При всем этом присутствовал товарищ прокурора Верненского окружного суда Плотников»⁹.

Однако жестокие репрессии не могли остановить развитие движения, более того, оно начало приобретать характер национально-освободительной революции. Об этом говорит массовый характер сопротивления, когда на борьбу с колониальной администрацией поднялся практически весь казахский народ, а также попытки образования собственных административных и правовых институтов независимых от России.

Стихийное поначалу движение превратилось в организованное сопротивление народных масс и приняло четко выраженный национально-освободительный характер. Поэтому подавление восстания в национальных окраинах для царского правительства превратилось во второй фронт войны.

Как свидетельствуют документы: «17 июля в Туркестанском крае было введено военное положение. Крупные столкновения повстанцев с карателями произошли в урочище Ассы, в Каркаре, в урочище Самсы, в районах Кастека, Нарынкола, Чарына, Курама. В середине августа восстание охватило волости Семиреченской области. Для подавления восстания было направлено 95 рот солдат в 8750 штыков, 24 сотни казаков в 3900 сабель, 16 орудий, 47 пулеметов. Несмотря на героическое сопротивление, восстание было подавлено в октябре 1916г. Проводились массовые аресты, действовали военно-полевые суды. Каратели расправлялись с повстанцами и мирным населением, были уничтожены десятки аулов. Более 300 тыс. казахов откочевали в Китай»¹⁰.

В то время как в Семиречье повстанческое движение было жестоко подавлено, в Тургайской степи оно набирало силу и нарастало с каждым днем. Тургайское восстание, во главе которого стояли А. Иманов и А. Джангильдин, было самым упорным и длительным. Как свидетельствуют архивные документы, численность повстанческих отрядов в самый пик восстания составляла около 50 000 чел. Из десятков тысяч неорганизованных повстанцев А. Иманов создал стройный дисциплинированный военный организм, разделенный на десятки, пятидесятки, сотни и тысячи, а сам был избран сардарбеком – главнокомандующим повстанцев.

Еще до восстания Амангельды был известен в степи как поборник народной свободы, противник колониального режима. Не раз ему пришлось побывать в тюрьмах, ездить в Петербург по делам заключенных казахов.

Армия Амангельды отличалась от других отрядов повстанцев организованностью и дисциплиной. К октябрю 1916 г. в Торгайском и Иргизском уездах насчитывалось до 20 повстанческих отрядов, в каждом из которых было по 2-3 тыс. человек. 23 октября 15 тыс. повстанцев во главе с Амангельды окружили г. Торгай. Командующий войсками Казанского военного округа телеграфировал военному министру о том, что «положение в Торгайском и Иргизском уездах быстро ухудшается. С Торгаем прервана не только телеграфная связь, но и прекращено всякое сообщение. Торгай обложен, Иргиз окружается». Одновременно сообщалось, что повстанцы, овладев Торгаем и Иргизом, намерены прервать железнодорожное сообщение по линии Оренбург-Ташкент. К торгайским повстанцам присоединились казахи соседних областей. В ноябре 1916 г. число

⁹ Сапаргалиев Г. Карательная политика царизма в Казахстане. А., 1966

¹⁰ «Восстание 1916 года в Казахстане». Документы и материалы. А., 1977, с.67.

восставших достигло 50 тыс. Повстанцы почти полностью парализовали местный колониальный аппарат. Карательные отряды не могли подавить восстание.

Тогда царское правительство решилось на крайние меры. Был сформирован специальный экспедиционный корпус под командованием генерала Лаврентьева, в который вошли части, снятые с фронта. Карательные отряды под командой отдельных генералов стали разъезжать по степям и принимать репрессивные меры против восставшего казахского населения.

Амангельды Иманов и Абдулгаппар Жанбосын сосредоточили свои отряды в местах, труднодоступных для карательных войск. Повстанцы сами обеспечивали себя продовольствием и фуражом, построили землянки и установили юрты. С начала 1917 года Амангельды возобновил антиколониальную борьбу. Карательным отрядам, выступившим из Кустаная, повстанцы преградили путь, произошли бои, вынудившие карательные отряды отступить.

Накануне Февральской революции, когда в других областях Казахстана военные действия уже прекратились, в Тургайской степи бои между карательными отрядами и повстанцами продолжались. 22-24 февраля повстанцы вступили в последнее сражение с карателями в местности Дугал-Урпек. Сражаясь с исключительным упорством, повстанцы медленно отступали в глубь степи. Во время отступления казахов с аулами по покрытой льдом поверхности р. Тургай каратели, обстреливая их с обеих сторон, убили несколько сот женщин, стариков и детей, более тысячи сарбазов. В конце февраля каратели отступили, оставив Дугал-Урпек в руках повстанцев.

После победы Февральской революции число повстанческих отрядов в степи резко возросло, а в конце 1917 года Амангельды занял Тургай.

Широко распространилось восстание и в Жетысу. Особенностью его здесь стали массовые выступления не только казахской части населения, но и представителей других национальностей (уйгуров, дунган). В короткий срок движение приобрело форму вооруженных выступлений и столкновений. Так, например, Жаркентский уездный начальник докладывал: «Толпа казахов, около тысячи человек, несмотря на все усилия исполнить высочайшую волю, заявила, что людей на работу не дадут, умрут до последнего... Затем, разойдясь по канцеляриям, уничтожила списки призываемых». В долине реки Асы повстанцы напали на отряд помощника уездного начальника Хлыновского, составлявшего списки. Не сдержав натиска, отряд Хлыновского отступил к Верному.

В конце августа восстанием были охвачены все волости Семиреченской области. Туркестанский военный округ был объявлен на военном положении. Вот тогда разрозненные стихийные выступления вылились в народно-освободительное восстание. Повстанцев вдохновлял на борьбу Токаш Бокин, а непосредственными вожаками джигитов были Бекбулат Ашекеев, Нука Сатыбеков, Байбосын Тамабаев, Узак Саурыков, Жаменке Мамбетов, Естай Жанаберген, Айтык Алаберген, Айдос Тунгатаров, Айкын Жолдербаев, Доскен Жамамурынов, Елкен Доскеев, Курман Бесбаев и другие. С каждым днем в их отряды вступали все новые и новые участники. Они боролись с большим мужеством и упорством. Хотя повстанцы были вооружены самодельными ружьями, а чаще всего ножами, топорами и дубинами, они смело отбивали атаки карателей. Их отряды стремительно врвались в байские аулы и угоняли принадлежавших богатеям лошадей; они захватывали почтово-телеграфные станции и полицейские участки, убивали

ненавистных полицейских и волостных управителей. Действия повстанцев привели к прекращению телеграфной связи между Верным и Ташкентом.

Разнообразные методы сопротивления применяли участники движения в волостях Семиречья. Отряды Узак Саурыкова, Нуки Сатыбекова, Айдоса Тунгатарова насчитывали уже многие тысячи джигитов. Такого потрясения местные власти еще не испытывали. Оно усугубилось тем, что верненская беднота отнеслась сочувственно к борьбе казахов. Такое же сочувствие проявляли и русские крестьяне Семиречья. Несмотря на начавшиеся аресты, они поддерживали восставших чем могли.

Крупные столкновения повстанцев с царскими карателями произошли в урочище Асы, горной долине Каркара, в районе станции Самсы, в районах Кастека, Нарынкола, Чарына, Курама, в Садыр-Матайской волости Лепсинского района и в других местностях Семиречья.

Борьба носила крайне ожесточенный характер. С прибытием регулярных войск она приняла для восставших тяжелый оборот. Войска постепенно загоняли их в горы, где острый недостаток фуража и провианта вынудил их к сдаче в середине ноября 1916 года. Свыше 300 тыс. казахов перешли в Китай, где они были ограблены китайскими киргизами и казахами, проданы в рабство. Население Семиречья заплатило высокую цену за восстание, ибо невозможно представить точное число человеческих потерь.

В других регионах Казахстана восставшим также приходилось вести жестокие бои с превосходящими силами царских карательных отрядов. В Семипалатинской и Акмолинской областях против восставших действовало 12 кавалерийских сотен, 11 усиленных пехотных рот, а против тургайских повстанцев царские власти бросили экспедиционный корпус в составе 17 стрелковых рот, 18 казачьих сотен, 4 кавалерийских эскадронов, 18 орудий, 10 пулеметов и проч. Однако карателям так и не удалось подавить восстание вплоть до самой Февральской революции. Только после свержения царизма восстание в Тургайской области прекратилось.

Стремительное развитие событий в 1916–1917 гг., частая смена властей и политики, жестокие боевые действия и усиливающийся национальный антагонизм определили трагичность судеб участников восстания 1916 года. Октябрь 1917 г. определил раскол среди участников восстания. Из них вышли не только активные участники установления Советской власти, но и ее активные противники, влившиеся в ряды белогвардейского движения. Трагизм был в том, что вышедшие вместе на борьбу с царизмом зачастую стреляли друг в друга, оказавшись по разные стороны баррикад.

Несмотря на всю трагичность последствий восстания 1916 года, оно послужило мощным толчком к росту национального самосознания народов Казахстана и Средней Азии. Впервые за долгие годы колониального гнета они, осознав общность национальных интересов, включились в активную политическую деятельность, ощутили себя силой, способной к вооруженной борьбе против колониальной экспансии российского самодержавия.

Один из видных организаторов Каркаринского восстания Семиреченской области был волостной правитель, бий Узак Саурыков. Под его руководством джигиты Курмановской волости Жаркентского уезда 1 июля 1916 года провели манифестацию протеста против царского указа о мобилизации инородцев на

тыловые работы. 22 июля 1916 года был арестован. 12 августа 1916 года по приказу Пржевальского уездного начальника Иванова был расстрелян.

Внук известного бия кыпчакского рода Среднего жуза Нияза Абдулгафар Жонбасынов в октябре 1916 года был поднят восставшим народом на белой кошме и объявлен ханом Тургайских кыпчаков. Он восстановил ханскую структуру власти, хотя официально отказался от ханского титула и стал именоваться эмиром. Был человеком передовых взглядов, организовал аульную школу, начальную русскую школу, возглавил строительство мечети. Умер в конце 1919 года при невыясненных обстоятельствах.

Руководитель Ушкониырского очага восстания 1916 года в Семиречье Бекболат Ашекеев в час тяжелых испытаний встал во главе восставших, создал повстанческую армию, организовал в горах оружейные мастерские. Был популярен среди народа как борец за справедливость и противник колониального ига. В Жайылымской волости Верненского уезда был избран ханом. Был повешен на сопке Бурундай в Семиречье.

Амангельды Иманов являлся внуком активного участника национально-освободительного движения XIX века батыра Имана, сподвижника Кенесары Касымова. Был известен в степи как защитник обездоленных, охотник-снайпер. Единодушно избран командующим повстанцев. В период восстания и послеоктябрьский период, когда он был назначен военным комиссаром Тургайского уезда, проявил себя выдающимся организатором, народным батыром – полководцем. Убит 18 мая 1919 года.

Вспоминая о трагических судьбах этих людей и тысячах других жертв жестоких расправ над восставшими, невольно думаешь, что, может быть, не надо было казахам братья за оружие, не надо было выступать против царизма, надо было внять голосу демократической интеллигенции. Но тотчас вспоминаются слова незабвенного лидера «Алаша» Алихана Бокейханова: «Казахи и киргизы потеряли много людей убитыми, пострадало их хозяйство, но зато они проявили свои качества. Кто не борется, не рвётся к победе – не сможет распоряжаться ни своим имуществом, ни своей собственной головой».

А Ахмет Байтурсинов считал: «Казахи должны быть на фронте, наравне с другими нациями, с оружием в руках защищать страну, а привлечение к «чёрной» работе считаем унизительным».

Миржакип Дулатов говорил: «Согласившись идти, джигиты пострадают меньше и не погибнут; сопротивление же повлечёт огромные жертвы, кровопролитие».

Но охватившее Великую степь восстание продемонстрировало рост национального духа и самосознания казахского народа, тысячи ее участников прошли школу вооруженной борьбы против царского самодержавия. Оно пробудило национальное сознание народа, обогатило опыт борьбы против колониализма, на политическую арену вышли борцы-демократы из числа национальной интеллигенции. Движение по масштабности, охвату участников и последствиям представляло апогей освободительного движения за весь период колониального порабощения в составе империи.

Поэтому борьба за независимость в условиях колониального гнета навсегда запечатлелась в памяти поколений и трудно переоценить значение этого национально-освободительного движения. Прежде всего, оно было результатом

пробуждения национального самосознания народа, его решимости сражаться за свою свободу и независимость. Восстание 1916 г. выдвинуло казахский народ в разряд народа-борца.

Президент Кыргызстана Алмазбек Атамбаев в мае 2015 года подписал указ об увековечении памяти погибших во время восстания 1916 года. Думается, что и нам следует принять меры для сохранения в народной памяти трагических событий 1916 года, находить места погребения погибших, чтобы воздать им должную память. Ведь в ходе восстания были уничтожены сотни аулов, каратели безжалостно уничтожали население, зарывая людей в общих могилах.

Память о кровопролитии 1916 года надолго сохранилась в исторической памяти народа. Запечатлена она и в художественной литературе. В 1926 году молодой Мухтар Ауэзов посвятил событиям 1916 года повесть «Лихая година», названную позже Чингизом Айтматовым самым сильным произведением антиколониальной направленности.

В основе повести проникновенный рассказ о восстании мирного рода албан в Семиречье в местечке Каркара, о народном бунте против царского произвола, о том, с какой жестокостью царская власть расправилась с восставшими и об исходе беженцев из земли предков в неизвестность. В другой своей повести «Выстрел на перевале (Караш)» (1927) М.О. Ауэзов воспроизвел картины чиновничьего произвола и бесправия простого народа в дореволюционном прошлом. Появившийся позже роман другого казахского классика Сабита Муканова «Ботагоз» (1940) также посвящен трагедии 1916 года.

Совместная борьба народов Средней Азии и Казахстана против политики и практики русского царизма сыграла огромное значение в истории, ускорив падение колониальной империи. И в год столетия народного восстания мы должны воздать память ее участникам и жертвам.

Начало этому было положено еще в год 90-летия начала Каркаринского национально-освободительного движения казахского народа против царской колониальной деспотии. Посвященные этому событию торжественные мероприятия прошли в 2006 году в поселке Кеген Райымбекского района. В поселке Какпак состоялось открытие памятника предводителю восстания Жаменке Мамбетову. Научно-практическая конференция собрала участников мероприятия уже в поселке Кеген, в стенах местного дома культуры.

Академик Кенес Нурпеисов, многие годы отдавший изучению Каркаринского восстания, считает, что все цифры о количестве жертв восстания, приводящиеся исследователями, сильно занижены. О причинах и предпосылках восстания академик Нурпеисов поведал собравшимся на научно-практической конференции, где стал ее основным докладчиком.

Год столетия восстания 1916 года мы должны провести для воспитания гордости за свою историю, формирования гражданской позиции, казахстанского патриотизма. Именно в тех событиях переломного момента отечественной истории мы видим пробуждение и рост национального самосознания. А с обретением долгожданной государственной независимости важно глубокое изучение противоречий и сложной истории национально-освободительного движения.

Вместе с тем, в преддверии 100-летия национально-освободительного восстания 1916 года, следует подчеркнуть, что у народов России и Центральной Азии

общая судьба, общая история, непростая и противоречивая в прошлом, поэтому исторически сложившееся взаимодействие и сотрудничество наших государств и народов должно неуклонно развиваться в духе взаимного уважения и доверия, общности интересов.

На торжественном собрании, посвященном 550-летию образования Казахского ханства, 11 сентября 2015 г. в Астане Президент Казахстана Н.А. Назарбаев отметил: «У нас совместный исторический путь длиной в сотни лет с народами России и, в первую очередь, с русским народом... Казахстан всегда будет беречь и приумножать дружбу и доверие с нашими соседями, строить добрые отношения со всеми странами мира».

От автора:

В создании этой книги огромную помощь мне оказали архивные документы о восстании 1916 года в предгорьях Алатау, представленные мне моим давним старшим другом, ветераном Великой Отечественной войны, старейшим журналистом, большим знатоком истории Семиречья Усенбаем Тастанбековым.

Выражая ему искреннюю благодарность, желаю сохранять дух, энергию и оптимизм великого Жамбыла, к возрасту которого он приближается в добром здравии и творческом подъеме.

Сноски на представленные им архивные материалы теперь находятся в Архиве Первого Президента Республики Казахстан.

Литература

1. ЦГИА КазССР, ф. Семиреченское областное правление, оп. 2, отд. I, д. 16934, л. 31. Текст типографий. Опубликовано в сб. «Восстание 1916 года в Казахстане. Документы и материалы. Алма-Ата, 1947, док. № 134. – С. 130.
2. «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов, – М, Изд. Академии наук СССР, 1960. – С. 348.
3. 1916 г. сентябрь 30. Сообщение газеты «Туркестанские ведомости» о казни одного из руководителей восстания – Бекбулата Ашекеева.
4. ЦГИА УзССР, ф. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора, оп. 31, д. I100, лл. 238-239. Заверенная копия.
5. Мергенчин Д., Шашкин З. «Токаш Бокин». Биографический очерк. – Алма-Ата, 1958.
6. Газета «За коммунизм», орган Каскеленского РК КПК и райсовета д/т, 22 июня 1961 г.
7. История Казахской ССР. Т. 1, 1957.
8. Азимбек Бекназаров. «Геноцид, или горькая правда 1916 года». Общественно-политическая газета Кыргызской республики «ResPublica», 13 августа 2015 г.
9. Свидетельства командира 1-сборной сотни Семиреченского казачьего войска Фон-Берге. (РГА НКВД Кирг.ССР, ф. 77, д. 11, л. 30-33).
10. Рыскулов Т. Избранные труды. – Алма-Ата, 1984.
11. Алекторов А.Е. «Указатель книг, журнальных и газетных заметок о киргизах (о казахах)». Статья Н. Северцова «Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, совершенные по поручению Императорского Русского Географического Общества». С.-Петербург, 1873. (стр. 765-766). – «Ғылыми қазына». Алматы, 2013.
12. Сыдыков Е. Жамбыл. – Москва: Художественная литература, 2015.
13. Исмаилов Е. Жизнь акына. – Алматы: Жазушы, 1965.
14. Калижанов У. Жамбыл. – Алматы: Әдебиет әлемі, 2013.

15. Абдакаимов А., Кузембаев А., Аманжолов Е. Учебные материалы по истории Казахстана.
16. Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. М., 1986, – 300 с.
17. Асфендияров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. – М.-А., 1958.
18. Нурпеисов К., Григорьев В.К. Турар Рыскулов и его время// Рыскулов Т.Р. Собрание сочинений в трёх томах, т. 1, А., 1997. – 230 с.
19. Восстание 1916 года в Казахстане». Документы и материалы. А.,1977. – С. 67.
20. Панфилов А.В. Либерально-демократическая Россия о событиях 1916 года // Әділет. Научные труды. 1977, №1. – С. 114-122.



В августе 2016 года отмечают:

60-летие

Ахмет БАЙМАХАМБЕТ, поэт
Баян БОЛАТХАНОВА, прозаик
Сая ИССА, прозаик

80-летие

Марфуга АЙТХОЖИНА, поэт
Абдугапур КУТЛУК, поэт

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

